

П.А. Ореховский

д.э.н., профессор, Институт экономики РАН (Москва)

РЕАЛЬНОСТЬ: КЛАССИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (о книге В.Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм»)¹

Аннотация. Рецензируемая работа В.Т. Рязанова представляет собой пока еще редкое в современной российской литературе описание последних 25 лет зарубежной и российской экономической истории. Автор приводит множество данных, характеризующих разворачивание последних финансовых кризисов, политических мероприятий по их преодолению, а также описывает последствия их реализации. Плодотворность классической методологии анализа, применяемая В.Т. Рязановым к современным событиям, вызывает серьезные сомнения. Автор занимает однозначную позицию осуждения тенденции роста финансового и сокращения реального сектора в богатых экономиках, предлагая меры государственного вмешательства, которое ограничило бы нарастание диспропорций. При этом упускается из виду опережение роста оплаты труда по сравнению с ростом производительности. Такое опережение вызывает кризисы куда чаще, чем финансовые спекуляции.

В то же время книга В.Т. Рязанова вносит заметный вклад в понимание экономических механизмов развития мировой экономики в целом и России в частности. Она безусловно полезна всем, кто размышляет над возможными сценариями развития отечественной экономики в будущем

Ключевые слова: кризисы, циклы, глобализация, Маркс и Кейнс, неоиндустриализация.

Классификация JEL: E32, F44, J24, J31.

Со времени кризиса 2008 г. прошло уже 10 лет, однако осмысление его продолжается. Большая книга известного российского экономиста, петербургского профессора В.Т. Рязанова – новое обширное исследование этой темы. Оригинальность подхода, заявленная во введении, основана на том, что: 1) «поляриность понятий “реальный и нереальный” отражает такое разграничение, когда капитал и его современные формы уходят в тень, все в большей степени превращаясь во что-то внешне невидимое и виртуальное, а сам капитализм растворяется в социально близких формах в виде некоего информационного общества, экономики знаний, и т.д. Вроде бы, капитализм становится “нереальным”, но при этом вполне реальными и осязаемыми остаются исторически сопутствующие ему социальные последствия – безработица, социальная дифференциация, социальные конфликты, экологические катастрофы и т.д.» [С. 8]; 2) «приоритет отдан классической политической экономии, накопленный методологический багаж которой вполне применим к современному кризисному состоянию общества» [С. 9].

Это сочетание озадачивает и интригует. Вроде бы классическая политэкономия, имевшая дело с проблемами «реального капитализма» XIX в., оперировавшая понятиями классового распределения дохода, стоимости, основанной на средних издержках производства, грубой количественной теории денег, во многом уже неприложима к проблемам экономики XXI в. Но на протяжении всей книги автор периодически пытается убедить читателя в обратном.

¹ [Рязанов, 2016]. Далее цитаты из книги В.Т. Рязанова даются без указания источника, в квадратных скобках приводятся только номера страниц.

1. Кризисы и циклы. Постглобализация

В первой части, озаглавленной «Кризис глобализации и его системные последствия», характеристика механизма разворачивания кризиса, в общем-то, следует за общепринятой логикой: финансиализация – сложные финансовые инструменты ипотечного кредитования – секьюритизация – финансовый пузырь – кризис – аналогия с Великой депрессией 30-х гг. XX в. Так, названия параграфов в соответствующих главах работы выглядят следующим образом: **«1.2. Финансиализация глобальной экономики и финансовый капитализм. 1.2.1. Реальная экономика и финансовый капитал. 1.2.2. Место и роль финансового капитала в исторической эволюции капитализма. 1.2.3. Финансиализация глобальной экономики: фиктивность капитала и виртуализация хозяйственной деятельности. 1.2.4. Экономика нереальных ценностей: природа спекуляций и «спекулятивных пузырей». 1.3. Предпосылки мирового кризиса: ипотечный рынок и кредитно-долговая экспансия. 1.3.1. Рынок жилья и его роль в современной модели капитализма. 1.3.2. Превращение «эффекта богатства» в «ловушку богатства». 1.3.3. Особенности развития кризиса на кредитно-долговом рынке. 1.3.4. Обвал кредитно-долгового рынка как спусковой механизм глобального кризиса. 1.3.5. Глобальные последствия кредитно-долгового кризиса в США. ... 1.5. Истоки и основные характеристики современного кризиса глобализации. 1.5.1. Предыстория кризиса глобализации: сигнальные кризисы. 1.5.2. Роль денег в формировании спекулятивного мотива. 1.5.3. Денежная политика и глобальные финансовые активы. 1.5.4. Последствия возвышения финансовой сферы. 1.6. Великая депрессия и Великая рецессия: общее и особенное. 1.6.1. Особенности взаимосвязи кризисов. 1.6.2. Великая депрессия: предсказания и взгляды австрийской школы о кризисе. 1.6.3. Великая депрессия и Великая рецессия: сравнительные характеристики. 1.6.4. Великая депрессия и Великая рецессия: причины и последствия. 1.6.5. Антикризисная политика и ее эффективность»** [С. 3–4].

Введенное в первой главе первой части различие государственно-монополистического капитализма (ГМК-1) и глобально-монополистического капитализма (ГМК-2) мало что добавляет к характеристике кризиса 2008 г. Замечания о «геополитэкономии» сводятся к характеристике тривиальных противоречий между богатыми и бедными, усилению дифференциации, но сами по себе не позволяют сделать ни заключения о невозможности «догоняющего развития», ни выводов о невозможности сокращения бедности в результате, скажем, либерализации экономики (как, впрочем, и о невозможности дирижистской модернизации). При этом сравнение главы 1.6. книги В.Т. Рязанова и большой работы Б. Эйхенгрин [Эйхенгрин, 2016] показывает, что авторы используют похожие дискурсы при обсуждении кризиса 2008 г. и депрессии 30-х гг. Общая логика обсуждения кризисов и депрессий, похоже, возникает безотносительно заявленной разницы в методологии анализа. Хотя и Рязанов, и Эйхенгрин придерживаются логики исторических событий, которая влияет на изложение, по-видимому, сильнее, чем принадлежность к той или иной научной школе.

Особняком в рецензируемой работе стоит глава **1.4. Теория экономических кризисов при капитализме: возвращение политической экономии**. Здесь действительно чувствуется сильное влияние классики. Кризисы рассматриваются как результат перенакопления капитала, ведущего заодно и к перепроизводству товаров. Поскольку такое перенакопление происходит в рамках «реального капитализма», постольку вслед за укоренившейся в отечественной литературе традицией В.Т. Рязанов выделяет и экономические циклы, связанные со сроками службы материальных активов, – Китчина (товарно-материальные запасы), Жюглара (производственное оборудование), Кузнеца (строительство жилищ), Кондратьева (дороги, мосты, каналы; впоследствии, в шумпетерианской трактовке, – технологии). В предыдущем номере «ВТЭ» об этом писал М.Г. Покидченко [Покидченко, 2017],

в рецензируемой работе характеристика этих циклов приводится в §1.4.2. *Циклические и нециклические параметры экономических кризисов: политэкономический подход* [С. 131–142]. Вопрос, который при этом не замечается экономистами, использующими методологию классической политэкономии, состоит в том, каким образом промышленность, удельный вес которой в ВВП большинства развитых стран существенно меньше 20% (исключение – ФРГ, где удельный вес производственных отраслей немногим более 25%), генерирует указанные циклы. Другими словами, если объем промышленного производства, скажем, в соответствии с циклом Китчина, демонстрирует снижение на 1–2%, это должно привести к снижению ВВП на 0,2–0,4% (предположим, что удельный вес промышленности при этом достаточно высок и занимает 20% ВВП). Не будет ли это снижение перекрываться, например, ростом сферы услуг на 1–2% (при удельном весе последней в 60% ВВП)? Едва ли не три четверти добавленной стоимости в этой сфере создается финансами, НИОКР, образованием, здравоохранением, на эти секторы колебания товарно-материальных запасов не оказывают сколько-нибудь существенного влияния. То же самое касается и остальных циклов, основой которых являются сроки службы материальных активов. Возможно, они сохраняют свое значение, но тогда должна быть предъявлена модель, объясняющая механизм межсекторного взаимодействия и результирующего влияния на динамику ВВП, занятость, инфляцию, процентные ставки и т.д.

Сам В.Т. Рязанов указывает: «Следует отметить, что выявленное многообразие экономических циклов впечатляет. Так, Фондом изучения циклов в США классифицировано 1 380 видов экономических циклов продолжительностью от 20 часов до 700 лет» [С. 140]. Это действительно впечатляет и заставляет задуматься, что в категорию того или иного «цикла», похоже, можно зачислить любое изменение конъюнктуры. Сомнительно, однако, что все это связано с перенакоплением капитала в классическом смысле.

Естественно, что обратной стороной «перепроизводства» является «недопотребление». Последнее сразу же вызывает ассоциации с дефицитом совокупного спроса по Кейнсу. Кажется, можно провести логическую параллель между «перепроизводством по Марксу» и необходимостью «стимулирования совокупного спроса по Кейнсу», что В.Т. Рязанов в данной главе и делает. И, в общем-то, напрасно. Недостаток спроса по Марксу объясняется производством прибавочной стоимости, превращаемой в капитал. При этом Маркс, как и все классики, придерживается концепции общего равновесия, о чем свидетельствуют и его вера в «закон стоимости», и в уравнения простого и расширенного воспроизводства. Недопотребление – это результат «абсолютного обнищания рабочего класса», связанного с ростом органического строения капитала. Другими словами, доля заработной платы в ВВП сокращается, а доля доходов от капитала – растет. Кризис перепроизводства в конечном итоге обесценивает капитал и повышает стоимость труда, снижая органическое строение, равновесие восстанавливается.

Дефицит совокупного спроса по Кейнсу вызван высоким предпочтением ликвидности и нежеланием капиталистов инвестировать, создавать новый капитал, а работников – тратить свои сбережения в условиях снижения цен, дефляции. Поэтому и борьба с безработицей и кризисом, «по Марксу», если не брать в расчет пролетарскую революцию, заключается в улучшении условий труда, сокращении рабочего дня и повышении заработной платы, как это и предлагал марксист-ревизионист Э. Бернштейн. Напротив, борьба с депрессией «по Кейнсу» – это денежная эмиссия, снижение процентной ставки, что должно простимулировать частные инвестиции; дополнительно, при необходимости, это все дополняется ростом государственных расходов. Очевидно, что всем классикам, а не только Марксу, идея снижения безработицы с помощью механизма денежно-кредитной экспансии показалась бы жуткой ересью. В этом отношении «постмарксистский синтез», предлагаемый В.Т. Рязановым, представляет собой, скорее, отказ от Маркса. Но тогда причём здесь «классическая методология»?

В этой же главе указывается: «Классовая борьба в экономическом плане – это борьба за раздел новой стоимости на прибыль и заработную плату... добиться социального равновесия непросто. Чтобы его обеспечить, необходимо найти сложно определяемый и подвижный баланс в распределении вновь созданной стоимости, который подкрепляется соответствующими изменениями в отношениях собственности и в новой комбинации имущественных прав, что позволяет минимизировать социальные риски и полноценно реализовать экономические интересы в развитии и совершенствовании производства» [С. 183]. Неожиданно! В классовой борьбе достигается «социальное равновесие» и достигается «новая комбинация имущественных прав», что позволяет реализовать – по-видимому, всем противоборствующим классам – «экономические интересы в развитии и совершенствовании производства». Если «комбинацию» заменить на «пучок», то данное выражение подозрительно напоминает Р. Коуза и неинституциональный подход, а классовая борьба – просто торг за заключение контракта. Возможно, это и есть «нереальный» капитализм, тем более, что далее В.Т. Рязанов приводит моральные оценки кризиса представителей Поместных Православных Церквей и послание Папы Римского Бенедикта XVI к «Граду и миру» (29 декабря 2009 г.). Это, безусловно, расширяет когнитивное восприятие мирового кризиса, однако не может обсуждаться в рамках небольшой рецензии.

Первая часть книги завершается главой **1.7. Системные последствия мирового кризиса: постглобализация и ее основные направления**. 1.7.1. Кризис глобализации, его причины и последствия. 1.7.2. Неолиберальная глобализация и деиндустриализация. 1.7.3. Постглобальная экономика и возможные направления ее развития. 1.7.4. Глобальная экономическая нестабильность: роль наднациональных и национальных регуляторов. 1.7.5. От «большой» к «малой» глобализации: от ЕС к США? 1.7.6. Государство в постглобальной экономике: новое качество.

В.Т. Рязанов исходит из того, что: «Если содержательный смысл глобализации определять как настойчивую попытку замещения национальных государств глобальными рынками и их институтами, то тогда одной из важнейших характеристик произошедшего мирового экономического кризиса в 2008–2009 гг. становится то, что он предстает как кризис *неолиберальной глобализации* (курсив Рязанова. – П.О.). По существу данный вывод равнозначен признанию провала внедряемого глобального проекта» [С. 273]. Если согласиться с этим выводом, то что дальше? Автор предлагает вниманию читателей четыре сценария:

1) «реставрация неолиберальной глобализационной модели экономического развития. Она предполагает ее частичную модернизацию и не исключено – смену глобального лидера в перспективе» [С. 287];

2) «переход к протекционистской модели посткризисной экономики. Такой вариант полностью противостоит предшествующему курсу на открытость, дерегулирование и либерализацию рынков, делая ставку на полномасштабное восстановление регулирующей и особенно защитной функции государства» [С. 289];

3) «регионализация вместо глобализации» [С. 290];

4) «переход к модели экономического развития в варианте деглобализации, восстанавливающий национальные регулирующие механизмы. Если развивать оценку современного мирового кризиса как системного кризиса глобализации, то вполне логично предположить, что по-настоящему выход из него не может не основываться на устранении коренных причин, его породивших» [С. 291].

В.Т. Рязанов полагает, что четвертый сценарий относится «к числу наиболее адекватных реакций на глобальный кризис и на потребность переформатирования мирового хозяйственного порядка» [С. 291]. Может, оно и так, хотя возможность «вернуть все хорошее назад» всегда вызывает определенные сомнения. Но дело не в этом. В экономической теории существует глубокая, восходящая еще к Д. Рикардо и А. Смиту, традиция фритре-

дерства, обосновывающая преимущества функционирования свободных мировых рынков. Как показывает Э. Райнерт в своей, ставшей экономическим бестселлером, книге, ей противостоит «другой канон», не менее давний, восходящий к меркантилистам [Райнерт, 2014]. В случае победы «другого канона» речь пойдет скорее о втором сценарии, с *временным*, в стиле экономического национализма Ф. Листа, восстановлением «защитной функции» государства, однако без возврата к идеям кейнсианского дирижизма.

Эволюция мировой торговли после 2014 г. с постоянным расширением применения экономических санкций и торговых ограничений показывает, что место неолиберализма в экономической политике постепенно занимает неомеркантилизм. Странно, однако, что не только автор рецензируемой работы, но и другие теоретики не предлагают моделей, которые демонстрировали бы некорректность концепции Хекшера–Олина (Улина). Более того, «новая экономическая география» и введение в анализ Хекшера–Олина убывающих издержек трансформации, которые делают кривые издержек транснациональных корпораций схожими с естественными монополиями, приводят к выводу, что от либерализации торговли и движения капитала должны выигрывать все. Если не принимать в расчет упреки экономистов, обвиняющих правящие круги, в первую очередь, российские, *в иррациональности*, то приходится констатировать, что сколько-нибудь фундированной «теорией постглобализации» нынешняя экономическая наука не располагает.

2. Россия: классическая ретроспектива

Вторая часть работы В.Т. Рязанова «Кризис глобализации и Россия: экономическое развитие и новая индустриализация» в основном посвящена анализу траектории экономического развития России после 1990 г. Она состоит из следующих семи глав:

2.8. Кризис в России (1990 – 1998 гг.): финальный аккорд неолиберальной утопии?

2.9. Экономика России (1999 – 2008 гг.): десятилетие после кризиса

2.10. Рентно-сырьевая экономика, ее характеристики и возможности

2.11. Мировой экономический кризис и Россия: почему не устояла экономика?

2.12 Экономический рост и экономическая политика после кризиса: мировое хозяйство и Россия

2.13. Новая индустриализация России: стратегические цели и приоритеты развития

2.14. Перспективы «нового посткризисного мира»: будущая экономика и самоопределение России.

Надо отдать должное автору – первые пять глав второй части представляют собой прекрасное, живое и полемичное изложение последних двадцати пяти лет российской истории. Последняя быстро забывается, поэтому цитаты известных либеральных отечественных экономистов, которые приводит В.Т. Рязанов, выглядят порой весьма неожиданно. Стоит выделить анализ работы правительства Примакова – Маслякова, сделанный автором, поскольку в настоящий момент, пожалуй, действительно доминирует впечатление, что после обесценения рубля и дефолта экономика «наладилась сама собой». Автор убедительно показывает упущенные шансы в импортозамещении, дает взвешенные оценки «рентно-сырьевой» экономики, приводит описание сформировавшихся к 2009 г. *отечественных пузырей* на рынках недвижимости и потребительского кредитования.

Кризис 2008–2009 гг. в российской экономике В.Т. Рязанов связывает с «сырьевой односторонностью и особой ее хрупкостью в условиях преждевременной внешней открытости, что обусловило появление двойной зависимости – от падения цен на энергоресурсы и от способности экономики страны без серьезных издержек справиться с проблемой рефинансирования критически высокого уровня внешней задолженности российских

банков и компаний» [С. 424]. Собственно, такую оценку разделяет, по-видимому, большинство отечественных экономистов. Отсюда и основная рекомендация автора, развиваемая в последних главах, – необходимо провести новую (нео) индустриализацию, которая позволит создать высокотехнологичный и одновременно достаточно трудоемкий реальный сектор, который смог бы сформировать рабочие места для населения, массово получающего высшее образование. Вдобавок эти рабочие места должны генерировать и достаточно высокую добавленную стоимость, что позволит повысить заработную плату и реальные доходы населения.

Надо сказать, что В.Т. Рязанов замечает определенные парадоксы отечественного экономического развития: «Хотя в последние годы рост зарплаты превышал темпы роста производительности труда, но это не привело к увеличению ее доли в издержках производства. Так, в 2005–2010 гг. удельный вес зарплаты в народном хозяйстве, включая единый социальный налог и страховые взносы, снизился с 18,1 до 17,4% в затратах на производство и продажу продукции. Это происходило практически во всех отраслях народного хозяйства, за исключением торговли, гостиниц и ресторанов, что свидетельствует об удешевлении удельных расходов в компаниях на оплату труда» [С. 552]. Далее следует уже привычный для людей прогрессивных взглядов пассаж о том, что «у нас не заработная плата и доходы высоки, а сверхвысока их дифференциация – межотраслевая, межрегиональная и социальная» [С. 552].

Однако если удельный вес заработной платы снижался, то как она могла расти быстрее производительности труда?! Что-то здесь явно не так. По данным справочника Росстата за 2017 г. все это выглядит следующим образом (см. табл.).

Таблица

Заработная плата и ВВП на душу населения в России в 2000–2015 гг.

Показатели	2000	2010	Темп роста 2010 /2000	2015	Темп роста 2015 /2010	Темп роста 2015 /2000
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата, руб.	2 223	20 952	9,4	34 030	1,6	15,3
ВВП на душу населения в текущих ценах, руб.	49 835	324 177	6,5	551 919	1,7	11,1

Источник: Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 31.

Если опираться на взгляды экономистов классической школы, то опережение роста оплаты труда роста производительности должно способствовать разгону инфляции с последующим экономическим кризисом. Собственно, именно это и имело место в России, когда темпы роста ВВП в 2012 г. внезапно упали вопреки всем ожиданиям правительства. И это было еще до воссоединения с Крымом и последовавших после этого экзогенных шоков. Рост, имевший место в 2017 г., объясняется как раз тем, что уже в 2015 г. заработная плата и душевой ВВП в реальном выражении снизились, но при этом первая намного больше, чем второй. Об этом и свидетельствует превышение темпа роста душевого ВВП по сравнению с заработной платой на один пункт в приведенной таблице.

В.Т. Рязанов с сочувствием относится к реальному сектору и осуждает чрезмерное развитие «финансового капитализма». Такие оценки разделяются многими отечественными и зарубежными экономистами, собственно, нравственное осуждение «хрематистики» можно встретить уже у Аристотеля. Однако вопросы о том, какова эффективность труда в российском финансовом секторе и как поднять производительность в секторе реальном, остаются открытыми.

Говоря о неоиндустриализации страны, автор отмечает приоритеты развития Сибири, Урала и Дальнего Востока. И в этом его можно только поддержать. Однако мысль, «чтобы Москва выполняла традиционные политические функции столицы государства и реализовывала уже сформировавшуюся роль финансового центра, но одновременно переместить функцию экономического центра в реализации программы неоиндустриализации на Восток страны» [С. 617], кажется туманной. Возникает разрыв между финансами, политикой и экономикой. Что будет представлять собой «функция экономического центра»? И не выполняют ли уже ее Ханты-Мансийск или, скажем, Норильск? А почему нельзя переносить политическую столицу? Неужели Москва и Московская область, в которых осуществляются и НИОКР, и эффективное промышленное производство, потеряют функцию экономического центра из-за превращения Кремля в музей? От аналогичной трансформации Зимнего дворца промышленность Санкт-Петербурга вроде бы не пострадала.

Предлагаемые автором приоритеты и направления неоиндустриализации, призванные укрепить экономику России и сделать развитие страны более экологичным, гуманным, соответствующим высоким нравственным ценностям, понятны и очень симпатичны. Можно ли эти приоритеты реализовать – отдельный и очень дискуссионный вопрос.

Заключение. Большая книга В.Т. Рязанова, если ее рассматривать как труд по недавней мировой и российской экономической истории, безусловно, заслуживает самых высоких оценок. Как теоретический трактат, где автор пытается актуализировать классические взгляды, она вызывает большие сомнения. Еще большие сомнения возникают в отношении реалистичности предлагаемых мер экономической политики.

В то же время – и это следует отнести к достоинствам работы – в ней неявно ставятся вопросы о соотношении различных подходов к анализу современных проблем. Похоже, споры о наследии кризиса 2008 г. далеко не закончены. Подводить итоги пока рано.

ЛИТЕРАТУРА

- Покидченко М.Г. (2017). Существует ли экономический цикл? // Вопросы теоретической экономики. №1. Т. 1. С. 66–73.
- Райнерт Э. (2014). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Рязанов В.Т. (2016). (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.
- Эйхенгрин Б. (2016). Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Ореховский Петр Александрович
orekhovskaya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.
orekhovskaya@mail.ru

REALITY: CLASSICAL INTERPRETATION (REVIEW OF THE BOOK OF V.T. RYAZANOV. (NOT)REAL CAPITALISM)

Abstract. The reviewed of Ryzanov's work is still a rare description of the last 25 years of world and Russian economic history. The author cites a lot of data characterizing the unfolding of the latest financial crises, political measures to overcome them, and also describes the consequences of these events.

The Instrumentality of the classical methodology of analysis, applied by V.T. Ryzanov to modern events, raises serious doubts. The author takes an unequivocal position condemning the financial growth trend and reducing the real sector in rich economies. He offers government intervention measures that would limit the growth of

disproportions. At the same time, the outpacing of wage growth over productivity growth is overlooked. Such anticipation causes crises much more often than financial speculation.

At the same time, Ryazanov's book makes an appreciable contribution to understanding the economic mechanisms of the development of the world economy in general and of Russia in particular. It is certainly useful reading to all, whom think about possible scenarios of the development of the domestic economy in the future.

Keywords: *crises, cycles, globalization, Marx and Keynes, neo-industrialization.*

JEL Classification: E32, F44, J24, J31.

REFERENCES

- Pokidchenko M.G.* (2017). Sushchestvuyet li ekonomicheskiy tsikl? [Is there an economic cycle?] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. Vol. 1. No. 1. Pp. 66–73.
- Reinert E.* (2014). *Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Became Rich and Why Poor Countries Remain Poor]. M.: ID Vyshey shkoly ekonomiki.
- Ryazanov V.T.* (2016). *(Ne)Real'nyy kapitalizm. Politekonomiya krizisa i yego posledstviy dlya mirovogo khozyaystva i Rossii* [(Not)Real Capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia]. M.: Ekonomika, 2016.
- Eichengreen B.* (2016). *Zerkal'naya galereya. Velikaya depressiya, Velikaya retsessiya, usvoyennyye i neusvoyennyye uroki istorii* [Hall of Mirrors: The Great Depression, the Great Recession, and the Uses-and Misuses-of History]. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016.